

Ю.И. СохряковМосковский государственный областной университет,
141014 г. Мытищи, Московская обл., Российская Федерация

Осмысление проблемы личности в творчестве Ф.М. Достоевского и французской литературе XX века: точки сближения

Аннотация. Цель исследования связана с раскрытием причин внимания французских писателей к творчеству Ф.М. Достоевского, с выявлением симптомов психологического отчуждения европейского человека от социума и путей преодоления духовного кризиса разобщенности и ухода «в подполье». Методология исследования базируется на сравнительно-историческом, социокультурном и аксиологическом анализе художественных произведений. Открытый Достоевским тип «подпольного человека» служит ключом для понимания ведущего конфликта повестей Альбера Камю «Чужой» и «Падение», драмы Жана Ануйя «Антигона», посредством системного анализа реконструированы особенности рецепции Достоевского в мемуарах «Военный летчик» Антуана де Сент-Экзюпери. В результате исследования доказывается, что значение Достоевского для развития реалистического искусства XX в. определило, прежде всего, его художественно-философское осмысление проблемы личности. Писатель неоднократно высказывал убеждение в том, что личность не может стать самой собой, игнорируя нравственность, которая, прежде всего, выражается в его отношении к другому, в восприятии другого как себя, и своей ответственности за всех, за все происходящее вокруг. По Достоевскому, человек, поставивший себя вне людей, разомкнувший свои нравственные узы с ними, приходит к краху и к физической гибели. Доказывается, что именно отчужденность индивидуума от социума и явила феномен «подпольного человека». В процессе исследования сделаны выводы о творческом усвоении западноевропейскими писателями художественного опыта Достоевского, показавшего, что духовно положительное становление личности невозможно вне этической сферы. Результаты статьи могут быть использованы при изучении истории русской и западноевропейской литературы.

Ключевые слова: А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, Ж. Ануй, «подпольный человек», социум, Ф.И. Достоевский, этика

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Сохряков Ю.И. Осмысление проблемы личности в творчестве Ф.М. Достоевского и французской литературе XX века: точки сближения // Литература в школе. 2021. № 3. С. 28–36. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-28-36

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-28-36

Yu.I. Sokhryakov

Moscow Region State University,
Mytishi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

Comprehending the personality problem in the work of F.M. Dostoevsky and French literature of the XX century: Rapprochement points

Abstract. The study aims to disclose the French writers' concern for Dostoevsky's work, to identify the symptoms of the psychological alienation of the European person from the society and the ways to overcome the spiritual crisis of the disunity and their going "underground". The research methodology is based on a comparative historical, sociocultural and axiological analysis of artistic works. The type of "underground person", discovered by Dostoevsky, is a key to understanding the leading conflict in "The Stranger" and "The Fall" by Albert Camus, drama "Antigone" by Jean Anouilh, the system analysis helps to reconstruct the features of Dostoevsky's reception in the memoirs "Flight to Arras" by Antoine de Saint-Exupery. As the result of the study, it is proved that the importance of Dostoevsky for the development of the realistic art of the 20th century determined, above all, its artistic and philosophical understanding of the personality problem. The writer repeatedly expressed the conviction that the person would not be the self without morality, which, above all, is expressed in one's attitude to another person, in the perception of another as themselves, and their responsibility for everybody and for all what is happening around. According to Dostoevsky, a person who opened his moral bonds with people comes to collapse and physical death. It is proven that it is precisely the alienation of the individual from society manifested the phenomenon of the "underground person". In the process of research, we come to conclusions about the creative assimilation of the Western European writers of the artistic experience of Dostoevsky's, who showed that the spiritually positive development of a person is impossible outside the ethical sphere. The article's results can be used in the course of study of the Russian and Western European literature.

Key words: A. Camus, A. de Saint-Exupery, J. Anouilh, "underground man", society, F.M. Dostoevsky, ethics

CITATION: Sokhryakov Yu.I. Comprehending the personality problem in the work of F.M. Dostoevsky and French literature of the XX century: Rapprochement points. *Literature at School*. 2021. No. 3. Pp. 28–36. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-28-36

В лекции, прочитанной в марте 1973 г. в университете имени Джонса Хопкинса, американский критик Л. Триллинг заявил: «Джо Кристианс Фолкнера, Антуан Рокантен Сартра, Пинки Грэма Грина, Мелон Беккета, бродяги Уильяма Берроуза и многие другие герои современной западной литературы ведут свою родословную от „подпольного человека“ Достоевского» [15, с. 191]. При всей спорности перечисленных критиком имен основания для подобного заявления имеются – Достоевский открыл новые темы для литературы, «вызвал потрясение в умственном строе человечества» [10, с. 53]. Влияние Достоевского на становление новой прозы сложно переоценить. Редко кто из писателей XX в., описывающих страдания человека, проходил мимо его творческого опыта. Открытый им тип «подпольного человека» занимал умы писателей при художественной разработке психологически сложных ситуаций, в которых человек раскрывается в своей сущности. «Подпольный человек, – утверждает американский исследователь Р. Джексон, – это протеевский тип, предшественник героев Кафки, Жида, Гессе, Камю и др.» [13, с. 1]. Первая мировая война и последовавшая за ней революция заставили многих западных художников произвести переоценку идеологических ценностей буржуазного общества и обратить внимание на творчество Достоевского, который показал трагическую судьбу личности в условиях духовного одиночества, когда человек утратил родственное чувство к окружающему его социуму.

Главный герой повести Альбера Камю «Чужой» – мелкий клерк Мерсо, человек наивный, простодушный, предельно откровенный, но и пре-

дельно примитивный. На первый взгляд он кажется современным вариантом «естественного человека» Руссо – человека, которого в жизни интересуют лишь чувственные радости: еда, сон, морские купанья, близость с женщиной... Мерсо не честолюбив, ему безразлично, получит ли он повышение по службе или нет; он не корыстен, деньги его не интересуют: если они есть – хорошо, если нет – можно обойтись как-нибудь без них. Однако при более пристальном внимании к нему мы увидим в Мерсо вариант «подпольного человека». Антибуржуазность его оказывается мнимой. Не принимая лицемерных установлений окружающего общества, Мерсо тем не менее – закономерное порождение этого общества, «корнями из которого растет человеческое существо» [4, с. 10]. Люди для него существуют, поскольку могут доставлять ему чувственные удовольствия. В свое время Гегель говорил, что борьба с чувственностью составляет сущность морали. В этом смысле Мерсо – глубоко аморальное существо.

Но общество посылает Мерсо на гильотину, в сущности, потому что он не желает принимать участие в ханжеской возне, лицемерных разглагольствований, не желает принимать тех условностей, которые царят в окружающем мире. Вот почему суд над Мерсо превращается в конечном счете в суд над обществом, которое толкает человека на путь нравственной деградации и физической гибели, которое не смогло внушить ему мысль о том, что человек есть не только чувственное, но и духовное существо. В застреленном арабе Мерсо видел не человека, а досадную помеху своему спокойствию и отдыху. Отношение Мерсо к матери, к любовнице,

к случайно встреченному арабу становится, таким образом, выражением глубокого душевного одичания героя.

Своеобразный вариант «подпольного человека» представляет и другой герой Камю – Жан Батист Кламанс в повести «Падение». Всю свою жизнь он считал, что нет у него никакого долга и никаких обязательств перед людьми. Люди для него не существовали сами по себе, со своими страстями, горестями и радостями: обиженные плакали для того, чтобы Кламанс утирал им слезы; слепые теряли зрение для того, чтобы он переводил их через дорогу, наслаждаясь собственным благородством; женщины существовали, чтобы доставлять Кламансу чувственное удовлетворение. Лишь гораздо позже Кламанс поймет, что всеми своими добродетелями он обязан не самому себе, а исключительно природе, что он и пальцем о палец не ударил, чтобы сделать себя лучше.

Предоставляя своему герою, «новому по своему положению и месту в обществе» [9, с. 78], возможность аргументации своей жизненной философии, своих жизненных принципов, Камю вслед за Достоевским отнюдь не пытается опровергнуть их с помощью словесных, логических доводов. Он исследует конечные результаты этой философии. Каков же итог жизни Кламанса? Счастлив ли он? Ответ однозначен: нет. Страх, разочарование, отсутствие душевного покоя терзают его ежеминутно, ежедневно. Призрак несчастной девушки, бросившейся однажды ночью в холодную воду Сены, преследует Кламанса, не дает ему покоя. Вновь и вновь переживает он психологическую драму: что же делать? кинуться спасать? – но это грозило гибелью

и ему. Предоставить утопающую самой себе? В бесконечных ночных кошмарах преследует его страшная сцена и заставляет повторять отчаянную мольбу: «Девушка, ах, девушка! Кинься еще раз в воду, чтобы вторично мне выпала возможность спасти нас с тобой обоих!» [8, с. 68].

Трагедию Жана Батиста Кламанса Гегель назвал бы трагикомедией, ибо сущность ее – в культивировании безнравственности и отчужденности, в возведении их в универсальную закономерность существования. Трагикомический герой, по Гегелю, созерцает эмпирическую видимость явлений и, не в силах проникнуть в подлинную сущность вещей, начинает убеждаться в своей духовной ограниченности, моральной несвободе. В результате его судорожные попытки самоутверждения представляют не что иное, как борьбу с призраками.

В драме Жана Ануйя «Антигона», основную идею которой составляет «противопоставление внутренней чистоты пошлости окружающего мира» [3, с. 22], правитель Фив Креон осознает, что быть злодеем невыгодно. По природе своей Креон не злой человек, он пытается спасти Антигону, ему не хочется быть виновником гибели своей племянницы, но живая душа для него оказывается менее ценна, чем отвлеченные убеждения и благополучие личное. Креон – трезвый, лишенный иллюзий политик, посвятивший себя «грязной», по его мнению, работе – установлению порядка на земле: «Это тебе не авантюра, а повседневная работа, не всегда приятная, как, впрочем, всякая другая работа» [1, с. 90]. Креон, таким образом, искренне уверен в том, что он призван делать добро. Но в этом же уверена и Антигона,

которая, так же как Креон, выполняет свой долг. В столкновении двух принципов, двух различных пониманий своего долга и заключается исходная ситуация драмы. Пытаясь обратиться в свою веру Антигону и сделать ее «здравомыслящей», Креон препятствует ее намерению совершить обряд захоронения брата. Но для Антигоны отказаться от своих замыслов – значит отказаться от самой себя, перестать быть собой. А для нее это еще худший вид смерти, чем смерть физическая. Вот почему она отказывается от мудрости Креона, который призывает ее внять голосу «здорового смысла».

Было бы глубоко ошибочным признавать Креона заведомым негодяем, наподобие шекспировских злодеев. Креон сознает ответственность, которая лежит на нем как на государственном деятеле. Однако, при всей кажущейся правоте, всей логикой развития событий Креон вынужден совершить преступление. И дело не в том, что он призывает Антигону следовать его, Креона, правде. Глубочайшим просчетом Креона оказалось его стремление силой навязать другому человеку свое понимание добра и не только сломить волю Антигоны, но и отнять у нее жизнь.

Антигона, выполняя свой долг, обретает подлинную духовную свободу, становится истинным гражданином своей родины, ибо один из основных законов человеческой эволюции – это закон, согласно которому личность может принести наибольшую пользу только в том случае, если она служит правде и справедливости. Антигона не индивидуалистка и не альтруистка. Антигона – человек в прямом смысле слова. Именно поэтому она в моральном отноше-

нии гораздо выше царя Фив, который, став рабом им же изданного закона, преступает закон человечности.

Всем ходом развития драмы подтверждается бесперспективность, казалось бы, несокрушимых принципов Креона. Гибнет Антигона. Вслед за ней с презрительным плевок в лицо отца гибнет сын Креона, Гемон. Узнав о гибели детей, кончает самоубийством Эвридика – жена Креона. Одиноким и разбитым, опираясь на посох, согнувшись под непосильной ношей совершенного преступления, уходит в финале Креон. Остается жить Йемена, которая, вдохновившись примером сестры, решает поступить точно так же, как Антигона. Не случайно перед смертью Антигона торжествующе бросает Креону: «Слышишь, Креон? И она тоже! Кто знает, не последуют ли моему примеру и другие, когда услышат мои слова?» [1, с. 90].

Как и Достоевский, Ануй развенчивает гордого человека, думающего, что он имеет право распоряжаться жизнью и свободой другого ради общего видимого им блага. Истоки же этой гордыни напрямую связаны с психологической отчужденностью, симптомы которой одним из первых уловил именно Достоевский. И в этой связи Достоевский воспринимался на Западе, как отмечают О.А. Запека и А.В. Егеревы, человеком, способным отразить целостность «переживаемых современным человечеством страданий и борений духа и его сокровенных чаяний» [7, с. 22]. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» писатель, характеризуя образ жизни парижского буржуа, замечал, что главная цель его и «самый главный кодекс нравственности» – стремление «накопить денежки и завести как можно больше

вещей» [5, с. 194]. Бездуховность западной цивилизации, по мнению писателя, есть следствие господства, связанного с индивидуализмом и стремлением к индивидуальному благополучию, поставлению благополучия своего выше общей пользы. Это начало, утверждал Достоевский, не может обеспечить подлинной свободы человеку вследствие того, что оно ликвидирует вопрос о нравственной ответственности и приводит к тому, что вместо общества-братства появляется его суррогат. Излагая свои впечатления от Лондона, писатель утверждал, что «тут та же упорная, глухая и уже застарелая борьба, борьба на смерть всеобщезападного личного начала с необходимостью хоть как-нибудь ужиться вместе, хоть как-нибудь составить общину и устроиться в одном муравейнике...» [Там же].

С аналогичных позиций ведется критика основ западноевропейской идеологии в творчестве крупнейших французских художников-реалистов. Говоря о том, что официальные критерии обусловили вырождение гуманистической морали в жалкий индивидуализм, Антуан де Сент-Экзюпери в книге «Военный летчик» пишет: «Мы ограничили нашу мораль проблемами отдельной личности. Мы стали требовать от каждого, чтобы он не наносил ущерба другому. От каждого камня, чтобы он не наносил ущерба другому камню» [11, с. 78]. Вскрывая внутреннюю пустоту одного из главных принципов западной демократии – принципа свободы, Сент-Экзюпери продолжает: «Мы определили нашу свободу как некую безнаказанность, при которой дозволены любые поступки, лишь бы они не причиняли вреда другому» [Там же]. Выродившийся в схоластику

гуманизм, по мнению Сент-Экзюпери, не способен обеспечить европейскому человечеству подлинного братства, возникновения общественного устройства, основанного на началах справедливости и добра.

Причины поражения Франции Сент-Экзюпери видит в той культуре, которая не сумела сплотить людей для борьбы с фашизмом, которая давно утратила источник моральных сил, которая не смогла дать французскому народу ощущение «духовной общности», необходимой для победы над гитлеровскими оккупантами.

В очерке «Зимние заметки о летних впечатлениях» Достоевский говорил о том, что «бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое Я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротив, отдать его обществу без всяких условий» [5, с. 194]. В атмосфере, пропитанной фальшью, тщеславием, стяжательством, князь Мышкин, герой романа Достоевского «Идиот», чувствует себя бесконечно одиноким. Его доброта, чуткость ко всякой лжи, отсутствие корыстных интересов проявляются уже в одной из первых сцен романа, когда Лев Мышкин разговаривает с камердинером генерала Епанчина. Подлинно человеческие отношения между людьми оказываются невозможными, выглядят чем-то предосудительным: гостю неприлично разговаривать с камердинером как с человеком, иначе говоря – неприлично видеть в другом человеке себе подобное существо. Камердинер начинает подозревать в поведении князя Мышкина какой-то подвох, не допускает и мысли, что хорошее отношение к другому может проявляться бескорыстно.

Жизнь приучила его не видеть в самом себе человека, с которым гость может обращаться по-человечески. Он и не подозревает, что князь Мышкин не может поступать иначе, потому что в нем сохранялись душевная чистота и непосредственность, способность к состраданию, составляющие закон бытия человечества. В мире всеобщего безумия, стяжательства, гипертрофированного самолюбия князь Мышкин находится в состоянии нравственного вакуума. Ощущая неестественность своей отчужденности от общей жизни, от людей, он стремится к сосуществованию с ними. Парадоксальность психологической коллизии состоит в том, что Мышкин вынужден оправдываться в своей человечности, в способности к сочувствию и состраданию. Доказывая ненормальность человечности и естественность бесчеловечности, безумный мир идет до конца и доводит Мышкина до подлинного сумасшествия. Утрата «связующей мысли», «скрепляющей идеи» порождает в героях Достоевского чувство отчужденности.

Исследование Достоевским сложности и противоречивости человеческой души было столь глубоким, что не могло не оказать значительного воздействия на процесс нравственно-художественных поисков в европейском искусстве XX в. Тема ответственности человека стала одной из центральных в это время. «Чтобы быть, нужно сначала принять на себя ответственность, – провозглашает Сент-Экзюпери в книге «Военный летчик». – Я впервые постигаю одну из тайн религии, породившей духовную культуру, которую я считаю своей: “Принять на себя бремя грехов человеческих...”» [11, с. 117]. Чтение Достоевского укрепляло Сент-

Экзюпери в мысли о том, что основным условием истинного в человеке является его ощущение невозможности блага личного без блага общего. Размышляя о феномене нации, Сент-Экзюпери заявлял, что ее сила в ощущении духовного единства перед лицом смертельной опасности. Именно это ощущение единства заставляет летчиков в книге Сент-Экзюпери выполнять грозящие гибелью полеты. Решая проблему личности, ее внутреннего становления, писатель приходит и к мысли о смирении как одном из средств становления личности, не унижения, а ее духовного возрастания: «Смирение предписывало ей, забывая о себе, тем самым возвышать себя, ибо, если личность станет преувеличивать свое собственное значение, путь ее сразу же упрется в стену» [Там же].

Было бы не совсем точным считать, что проблема ответственности возникает в творчестве Сент-Экзюпери под влиянием широко распространенных на Западе в 1930–1940-е гг. экзистенциалистских концепций. Французский писатель очень редко высказывался о современной ему западноевропейской литературе, но в своих «Записных книжках» он неоднократно упоминает имя Достоевского, творчество которого представлялось ему высшим достижением культуры. Говоря о своем открытии Достоевского, Сент-Экзюпери признавался: «Я сразу почувствовал, что вошел в общение с чем-то огромным...» [14, с. 159].

Достоевский одним из первых уловил симптомы психологического отчуждения человека, того самого отчуждения, которое составляет характернейшую особенность жизни современного человека. И хотя писатель не употреблял самого термина

«отчуждение», а называл свою эпоху эпохой «всеобщего обособления», он довольно точно показал, что причины отчужденного существования кроются в официально культивируемых ценностях. Художественно-философское осмысление проблемы личности – вот что в первую очередь определило значение Достоевского для развития реалистического искусства XX в. Его творчество способствовало «возникновению в XX в. серьезных культурологических и этических доктрин» [12, с. 282]. Писатель неоднократно

высказывал убеждение в том, что душевное самоопределение человека, становление личности невозможно вне этической сферы. Человек не может стать Личностью, не определив своего отношения к другим, не взяв на себя всю меру ответственности за происходящее вокруг. Исследование Достоевским сложности и противоречивости человеческой души было столь глубоким, что не могло не оказать значительного воздействия на процесс нравственно-художественных поисков в европейском искусстве XX в.

Библиографический список

1. Ануй Ж. Антигона. Приглашение в замок. Коломба: пьесы. М., 2011.
2. Астутто Д. Достоевский: Россия и Европа. Некоторые размышления о литературных произведениях // Язык и текст. 2020. Т. 7. № 1. С. 6–30.
3. Гнездилова Е.В. Трансформация модели античного мифа в пьесе Жана Ануй «Эвридика» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 1 (64). С. 21–31.
4. Григорьев А.А. Онтологический статус подпольного человека Ф.М. Достоевского // Человек. Культура. Образование. 2017. № 1 (23). С. 6–17.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.
6. Достоевский Ф.М. Об искусстве. М., 1973.
7. Запека О.А., Егерева А.В. Кафка и Достоевский: диалог культур // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 21–34.
8. Камю А. Падение. Изгнание и царство. М., 2015.
9. Наседкин Н.Н. Подпольный человек Достоевского как человек // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 2 (10). С. 72–79.
10. Насибова С.Х. Мир «подпольного» человека и его выражение в творчестве Ф.М. Достоевского и Дж. Фаулза (на материале произведений «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и «Коллекционер» Дж. Фаулза) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 12. С. 52–55.
11. Сент-Экзюпери А. Военный летчик. М., 2002.
12. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: монография / под ред. И.А. Киселевой. М., 2019.
13. Jackson A.L. Dostoevsky's underground man in Russian Literature. Gravenhage, 1958.
14. Peyre H. French novelists of today. New York, 1967.
15. Scott N.A. Three American moralists. London, 1973.

References

1. Anouilh J. Antigone. Priglashenie v zamok. Kolomba: Pesy [Antigone. An invitation to the castle. Columba: Plays]. Moscow, 2011. (In Russ.)
2. Astuto D. Dostoevsky: Russia and Europe. Some reflections on literary works. *Language and Text*. 2020. Vol. 7. No. 1. Pp. 6–30. (In Russ.)
3. Gnezdilova E.V. Transformation of the model of ancient myth in the play “Eurydice” by Jean Anouilh. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 2020. No. 1 (64). Pp. 21–31. (In Russ.)

4. Grigoryev A.A. The ontological status of the underground man F.M. Dostoevsky. *Human. Culture. Education*. 2017. No. 1 (23). Pp. 6–17. (In Russ.)
5. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t. [Collected works: In 30 vols.]. Leningrad, 1972–1990. (In Russ.)
6. Dostoevsky F.M. *Ob iskusstve* [About art]. Moscow, 1973. (In Russ.)
7. Zapеka O.A., Yegereva A.V. Kafka and Dostoevsky: Dialogue of cultures. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2017. Vol. 45. Pp. 21–34. (In Russ.)
8. Kamus A. *Padenie. Izgnanie i carstvo* [The fall. Exile and kingdom]. Moscow, 2015. (In Russ.)
9. Nasedkin N.N. Dostoevsky’s underground man as a man. *Tambov University Review. Series: Humanitie*. 1998. No. 2 (10). Pp. 72–79. (In Russ.)
10. Nasibova S.H. The world of the “underground” man and its expression in the works of F.M. Dostoevsky and J. Fowles (based on the works “Notes from the Underground” by F.M. Dostoevsky and “The Collector” by J. Fowles). *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. 2016. No. 12. Pp. 52–55. (In Russ.)
11. Saint-Exupery A. *Voennyj letchik* [Flight to arras]. Moscow, 2002. (In Russ.)
12. *Cennostnye osnovy nacional’noj kartiny mira v russkoj literature* [The value foundations of the national picture of the world in Russian literature]. I.A. Kiseljeva (ed.). Moscow, 2019. (In Russ.)
13. Jackson A.L. *Dostoevsky’s underground man in Russian literature*. Gravenhage, 1958.
14. Peyre H. *French Novelists of Today*. New York, 1967.
15. Scott N.A. *Three American Moralists*. London, 1973.

Статья поступила в редакцию 25.03.2021, принята к публикации 30.04.2021

The article was received on 25.03.2021, accepted for publication 30.04.2021

Сведения об авторе / About the author

Сохряков Юрий Иванович – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет

Yury I. Sokhryakov – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the Department of Russian classical literature, Moscow Region State University

E-mail: yuiv.sohryakov@yandex.ru